

Десять років.

1920 рік... Майже в цю ж пору, коли вже й на півдні починає жовтіти листя, в тиху і зоряну ніч сидів я на березі Керченської протоки. Пожовкле листя тихо падало на землю, а те, що ще держалось на дереві, здавалось що сумувало, що скоро прийде і його черга... Я зорив вночі темряву, туди — на другий бік, туди, де — я знав — лежить Тамань. Там — мій рідний Край. Неначе й недалеко, але ж доступу туди мені нема. Дихнуло з моря вохкістю. Утро йде. Дочекаюсь і ще раз побачу свою Кубань...

Тяжко було покидати те місто, де я міг хоч мріяти про Неї; де міг хоч здалека подивитись і послати їй моє вітання... Рушив з місця, але очі все тяглись туди...

То було в двадцятім році, у вересні. А зараз той же вересень, лише рік тридцятий. І не на березі у Керчі сидю я, а на березі невеликої річки Стирі...

Десять років. Так давно и — так недавно це було... Послухали чужих... В „червоне“ одягли її, а ми — ми розлізлись по цілім світі: од Парижа аж до Апурімакських лісів — лунав козака пісня, чи то весела, чи то сумна; мабуть, більш сумна... А проводирі? — дбають лише про себе, „тітулами“ живуть... та хай їм... Зараз думка на Кубань летить — що робиться там? Чи побачу я Тебе коли таку, яку бачив колись, — як маківку в квітах?..

Сьогодні десять років, як я її бачив. Довгий и колючий шлях пройшов я. Але знаю — і її не легко. Бачу її росп'яту на Хресті, босу, простоволосу, голодну і холодну, в рядняних латках, в потухлими очима... Мандрує по дорозі до Сібіру... Хліба просить...

Ще дужче кров у серці закипіла. Її кохаю до самозабуття... Хоч Ти й жебрачка зараз з торбою за плечима, але ж — моя найкраща в світі. Єдина моя...

Ніби прокинувся я від сна і — знову на чужині. Не знаю, чи побачу її коли, але знаю, і знаю добре, що тільки в і буде сама собі не ворог. Лише сама собі викує кращу долю.

Мені здається, що і нам уже пора до купи збиратись, гуртом шукати долю — для себе і для нащадків наших. До купи ж, під один прапор!

Ф. Штовхань.

О различных мерках „россиян“ и о казачьих неудачах казачества.

(По газетам и журналам).

„Дни“ (№ 103) пустили против „Независимого Кавказа“ состоящего при них знатока Кавказской проблемы г-на А. Хандакаряна, который на протяжении трех страниц, как дважды два — четыре с половиной, доказал вредность и невозможность существования Кавказской конфедерации, потому что там народы все такие злые и страшные, что как только перестанет Россия заботиться о них, все они передерутся, перережут друг другу горло из за „вопроса о разделе того общекраевого добра, которое было накоплено трудами всего Российского государства“ и каковое находится в Тифлисе. Он с заметным удовлетворением говорит, что так было в прошлом и с еще большим удовлетворением спрашивает, кто может поверить, „что впредь это не повторится?“ Сам же отвечает: „Я в это не верю. И не верю потому, что с тех пор ничто не изменилось — ни психология людей, ни характер вопросов“. Как будто эти ужасных десять лет ничему людей не научили. Он утверждает, что „самый факт отделения Кавказа от России влечет целый ряд непреодолимых внутренних конфликтов“, а потому „создание Независимой Кавказской Конфедерации, как задачи сегодняшнего дня осуждены на полную неудачу“. А потому народы Кавказа обретут счастье и благополучие под счастливой звездой Московских большевиков, ибо Россия „сегодняшнего дня“ есть СССР, а кто против этого — люди, продавшиеся Ангоре или Варшаве. Одним словом сепаратизм — зло, с которым необходимо всеми силами бороться.

Но вот, в следующем номере (104) тех же „Дней“,

тот же А. Хандакарян поет совсем иное дело, гром и молнию сыпет на голову Кавказских самостийников за то, что они не защищают сепаратическое движение за независимость Курдистана. Он категорически утверждает, что к „Курдскому движению и к стремлению курдов к независимости не может быть иного, кроме положительного, отношения со стороны всякого демократа и подлинного защитника права народов на самоопределение“. Золотые слова! Мы сочувствуем курдам, борющимся за право жить под солнцем свободно и независимо и желаем им успеха. Но вот нас поражает, почему „демократ и подлинный защитник права народов на самоопределение“ г-н Хандакарян и его политический патрон „Дни“ являются подлинными защитниками права народов на самоопределение в пределах Турции, и почему, перейдя границу СССР, они немедленно превращаются в подлинных противников этого права? Почему такая различная мерка? Хандакарян идет дальше, он требует защищать курдов, даже не спрашивая — кто и что они. „Всякие рассуждения о том, созрели ли курды к этому и есть ли на лицо необходимые для образования самостоятельного государства данные, здесь не к месту, ибо выбора у них нет“.

Не будем спрашивать, у кого больше выбора — у курдов ли под гнетом Турции Кемаля или у народов под властью Красной Москвы? Нам кажется, что хуже последней быть не может. Спор напрасный. Новый вопрос — Хандакарян и печатающие его „Дни“ считают нравственной обязанностью всякого демократа защищать права народов на самоопределение и в этом качестве защищают курдов. Спрашивается, почему же они так рьяно восстают против такого же национально-освободительного движения Украины, Казачества, Горцев, Грузии, Армении и т. д.? Или, по их мнению, все они не могут иметь такого права, каким Хандакаряны и „Дни“ так щедро наделяют курдов? Или принцип этих демократов обладает свойством: „закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло“?

Советско-коммунистическая власть задалась целью уничтожить Казачество. Для этого она подвергает казаков нечеловеческому гонению, расстреливает, ссылает в Архангельскую губернию, на место них вселяет в казачьи края „своих“. Эта цель большевиков и их система работы в казачьих краях невтерпёж стали казакам и они восстали. Кубанцы снова уходят в горы, ведут напряженную и непримиримую борьбу, истекая кровью, выбиваясь из последних сил. Естественно, их мысль в этот тяжкий для них момент обратилась к своим братьям в эмиграции, прося и умоляя о поддержке и помощи. Они, восставшие кубанцы, совершенно правильно пишут: „не поможете нам во время, не станете нас, а когда не станете нас — не будет и нас“.

Естественно, что Куб. и Терск. Атаманы обратились с призывом к казакам о пожертвовании в „фонд спасения родины“, вызвавший большой интерес среди казаков. Казалось, что иначе и быть не могло. Там братья истекают кровью в беспощадной борьбе с жестоким Московским большевизмом, просят о помощи. И всем казакам понятно желание Куб. и Терск. Атаманов — помочь страдающим казакам.. Но этот человечески понятный шаг Атаманов сильно не понравился некоторым русским патриотам и некоторым ретиво „россиянским“ казакам, усмотревшим в призыве Атаманов „тайную самостийность“. (Мы, напротив, с большим сожалением должны заметить, что в том призыве, есть и призыв к повторению прошлого, хотя и не такой решительный, как это было в 1918-1920 годах. Но об этом — в другой раз). По их „патриотическому“ пониманию Атаманы не смеют иметь желание — помочь казакам без разрешения ген. Миллера.

На призыв Атаманов ген. Миллер разразился предписанием, в котором пишет, что „Кубанский и Терский Атаманы уведомляют об образовании для этой цели своей особой, чисто казачьей казны и приглашают казаков нести свои жертвования именно в эту последнюю... Я считаю, что приведенный выше приказ Атаманов может повредить нашему общему делу, внеся смущение в умы жертвователей-казаков. Я обратился к

ген. Богаевскому за разъяснением — как следует понимать указанный выше приказ Куб. и Тер. Атаманов. Ген. Богаевский сообщил, что ему ничего не было известно об их выступлении и со своей стороны высказал, что подобные сепаратные выступления Атаманов им не разделяются. Ставя Вас в известность о всем вышесказанном, прошу Вас дать подчиненным Вам казакам исчерпывающие указания об активной работе РОВС и предложить им по прежнему нести свои добровольные пожертвования именно в фонд имени Вел. кн. Ник. Ник., одним из членов Главн. Комитета какового фонда состоит и Атаман старейшего Войска ген. Богаевский (предписание Н-ку IV отдела РОВС от 5 авг. 1930 № 385).

Документ говорит сам за себя. Атаманы делают вредное дело. Казакам предлагается давать свои деньги не своему Атаману, не для своих казаков, а „по прежнему“ давать ему ген. Миллеру.*)

При этом берется в свидетели ген. Богаевский „Атаман старейшего Войска“, которому „не было известно об их (Атаманов) выступлении“, и который не разделяет их „сепаратизм“...

Так отнесся ген. Миллер к призыву Куб. и Терск. Атаманов о помощи казакам. Немедленно нашлись „послушные и верноподданные“ казаки в Белграде со своей „Куб. Центральной станицей“, вынесшие суровое осуждение „попыткам явных и скрытых самостийников“, квалифицирующее работу Кубанского Атамана „легкомысленной и вредной“, высказывающее крайне отрицательное отношение к деятельности кубанской канцелярии и ее журналу „Вольная Кубань“, обвиняя эти учреждения „в полном забвении казачьих интересов“. Очевидно, по своеобразному пониманию этих казаков, призыв к казакам о помощи повстанцам кроет „полное забвение казачьих интересов“. Очевидно, по их мнению казачьи интересы будут „соблюдены“ только тогда, когда будут призывать казаков жертвовать свои деньги не в казачью казну, не на казачье дело, а когда будут призывать их поклоняться всем „вождям“ по очереди!

Конечно, казаки сами поймут, где их интересы защищаются, а где действительно предаются. Приводя выдержки из „приговора“ Куб. Центр. станицы, редакция журнала „Часовой“ (№ 38) от себя добавляет: „Нам кажется, что Куб. и Терск. атаманы делают большую и непростительную ошибку“. Отныне имена Куб. и Терск. Атаманов занесены на черную доску и им не простят! Какая, однако, смелость! Кто у „них“ будет просить прощения? Не простят потому, что им услужливые и раболепные казаки донесли, что в призыве Куб. и Терск. Атаманов, кроется „скрытая самостийность“ и ред. „Часового“ спешит раскаться, что с самого начала не пригвоздила к поворному столбу Атаманов „будучи введена в заблуждение сходством названий фондов“...

По мнению органа председателя ОВРС ген. Миллера, самостийность — зло, с которым необходимо беспощадно бороться. Но вот тот же ген. Миллер в лице своего представителя на Дальнем Востоке ген. Дитерихса является союзником и защитником самостийности.

Газета „Возрождение“ от 9 сент. № 1925 приводит сообщение о состоявшемся у ген. Дитерихса собрании представителей русской печати и общества, на котором предст. Юрид. Общ. г. И. Н. Шендриков „коснулся вопроса о выяснении отношения иностранных держав... о заинтересованности некоторых иностранных групп в определенной форме завершения освободительного движения на Дальнем Востоке — напр., для них приемлемо будет государство — буфер“. На это генерал Дитерихс ответил: „Идея государства — буфера и идея сибиряков областников вполне реально приемлема, также как и иностранная поддержка“...

*) Пикантное явление: когда дело идет о пожертвовании со стороны казаков, то они существуют, когда дело идет о помощи казакам, то „никаких казачьих вопросов, ни одной копейки казакам!“ (Слова ген. Драгомирова, пом. ген. Миллера, приведенные в речи ген. Калининым на публичном собрании в Париже).

Что это за двулика политика? Самостоятельное, Сибирское буферное государство, по своему географическому положению долженствующее немедленно попасть под прямое и непосредственное влияние великих государств и могущее окончательно „улыбнуться“ „Великой России“ — „вполне реально приемлемо“, а Казачье самостоятельное государство, освобожденное силами самих казаков, — страшное зло, с которым необходимо бороться всеми силами и средствами?

Трудно, почти невозможно понять. Объяснить ли это тем, что „Сибирское буферное государство“ будет создаваться при „иностранной поддержке“ и под властью Дитерихсов, а Казачье государство будет создаваться силами самих казаков, будет управляться разумом самого Казачества, где не будет почетного места гг. Дитерихсам? или особою специальною ненавистью гг. Дитерихсов к „казачкам разбойничкам“?

Хороший повод казакам для размышления на тему о ценности „принципиального отрицания самостийности“ русскими „патриотами“: отделить Сибирь для гг. Дитерихсов „реально приемлемо“, а освободить Казачество от нечеловеческих страданий и мук — преступление. Другая тема казакам для размышления о ценности „любви русских патриотов“ к казакам: страдать и умирать вы можете, но жить наравне с нами и радоваться не смеете...

Для морального оправдания подобного рода требования к казакам имеется послушный свидетель, ген. Богаевский, показывающий „достойный“ пример умаления достоинства и высокого значения Донского Атамана...

Куб. и Тер. Атаманы обращались к Богаевскому с предложением выступить совместно, но последний все их письма оставил без ответа. Тогда первые решили выступить самостоятельно, напечатали призыв в „К. К.“ Богаевский стал „комбинировать“ — и Миллеру угодить и казаков обвести. Стал поджидать, как казаки отнесутся к призыву Куб. и Тер. Атаманов.

Но такая — „умная позиция Богаевского“ никого в Париже не удовлетворила: ген. Миллер прямо поставил вопрос — как он смотрит на призыв Куб. и Тер. Атаманов, на что Богаевский ответил — ему это неизвестно и он не разделяет; с другой стороны казаки стали спрашивать его — почему он, Донской Атаман — не издает приказа о помощи?

3-го августа состоялся сбор Куб. станицы в Париже, который постановил ежемесячно отчислять в фонд по 5 франков с каждого казака. Тогда Богаевский понял, что „ошибся“ и в 10-ых числах августа выпустил „тоже“ призыв к казакам, в котором пишет, что если сами казаки себе не помогут, то им никто не поможет.

Но и тут „комбинации“. Во-первых он свой „призыв“ напечатал не в газетах, ему вполне доступных, не в своем журнале „Р. К.“, а выпустил отдельную листовку.

Интересно, пошлет ли он свою листовку ген. Миллеру? А если пошлет, то как последний будет реагировать на нее, ведь он уже причислил Богаевского к лику святых за то, что он „не разделяет“ призыва Куб. и Терского Атаманов, а этот „тишайший и смиреннейший“ втихомолку взял да и „подгадил“.

Будет ли „Часовой“ снова писать, что гладил голову Богаевскому „будучи введен в заблуждение“ и причислит его к рязряду людей, как Куб. и Тер. Атаманов, которым нельзя простить, или Богаевский гарантирован „от кары“?

Пикантное положение! И до чего „хитрость“, может довести людей!

Ш. Балинов. (Париж).

Бухарестские письма.

II.

Дед Данила.

Сегодня целый день бродил по Бухаресту, искал работы и к вечеру, усталый, зашел к деду Данилу.

Дед Данила — старый донской казак, выдавший видь: был вахмистром в „действительной“, Атаманом хуторским и за освобождение Казачьих Земел, первый поднял знамя восстания против оккупантов.

Три сына и два внука — убиты красными в боях.